

Курсъ Основного богословія или Апологетики.

Преподавателя Вишанской Духовной семинарии **Ив. Николаина.** 1904 г. (285 стр.). Ц. 1 р. 25 к.

Въ Курсѣ Основного богословія г. Николаина учебный матеріалъ почти тотъ-же самый, какой указанъ и въ дѣйствующей теперь семинарской программѣ по этой наукѣ, но расположенъ онъ значительно иначе. Такъ прежде всего весь отдѣлъ о религіи вообще и религіяхъ, какъ языческихъ, такъ и откровенной—ветхозавѣтной и новозавѣтной,—помѣщенъ послѣ отдѣла объ откровеніи и самое преподаваніе его относится авторомъ не къ IV классу, какъ требуется программой, а къ V, на томъ основаніи, что будто „курсъ IV класса непосиленъ для учениковъ вслѣдствіе малаго знакомства ихъ съ философій“ (Предвар. объясненія, стр. 1). Измѣненъ, затѣмъ, и отдѣлъ объ откровеніи. Къ нему отнесено, кромѣ общихъ понятій объ откровеніи, необходимости и возможности его и о признакахъ, отличающихъ истинное откровеніе отъ ложнаго, также ученіе объ источникахъ откровенія, Свящ. Писаніи и Свящ. Преданіи, о церкви, какъ хранительницѣ сихъ источниковъ, о чудесахъ ветхозавѣтныхъ и новозавѣтныхъ и въ частности о воскресеніи Іисуса Христа изъ мертвыхъ и, наконецъ, о ветхозавѣтныхъ и новозавѣтныхъ пророчествахъ. Измѣненіе это, по мнѣнію автора, важно особенно потому, что оно будто-бы вноситъ въ науку большую „систематичность“ и „цѣльность“, группируя въ

одномъ отдѣлѣ, какъ однородное, все то, что въ существующей программѣ разбросано по разнымъ отдѣламъ. Однако ни съ тѣмъ, ни съ другимъ измѣненіемъ, сдѣланнымъ авторомъ въ своемъ курсѣ, рѣшительно нельзя согласиться. Съ первымъ—потому, что имъ нарушается стройность и логическая послѣдовательность системы, въ частности разрывается связь между понятіями, тѣсно связанными между собой,— между религіей и откровеніемъ, въ силу каковой связи предварительное выясненіе понятія о религіи является необходимымъ предположеніемъ для выясненія и самаго откровения, а со вторымъ—потому, что, при допущеніи его, къ отдѣлу объ откровеніи съ одинаковымъ правомъ можно было-бы отнести, кромѣ всего выше указаннаго авторомъ, изъ Ветхаго Завѣта все мессіанское ученіе о Спасителѣ и даже богослужебный культъ, по скольку онъ имѣетъ мессіанско-прообразовательное значеніе, а изъ Новаго Завѣта фактъ воплощенія Іисуса Христа, представляющій величайшее чудо въ исторіи человечества, и все дѣло, совершенное Имъ ради нашего спасенія, такъ какъ и оно есть чудо, а затѣмъ и фактъ чудеснаго распространенія основанной Имъ религіи и благотворно-преобразующаго воздѣйствія ея на духовно-нравственную и общественную жизнь людей, т. е. большую часть содержания ветхозавѣтной и новозавѣтной религіи. Вѣдь это—только прямой логическій выводъ изъ сдѣланнаго авторомъ замѣчанія! Кромѣ того при этомъ измѣненіи является такая странность: о церкви, основанной Іисусомъ Христомъ и неразрывно связанной съ Нимъ, равно какъ о воскресеніи Его изъ мертвыхъ, представляющемъ собою оправданіе всего искупительнаго дѣла Его, пришлось бы говорить прежде, чѣмъ раскрыта истина богочеловѣческаго достоинства Его. Нѣсколько странно и то, что § объ источникахъ откровенія поставленъ раньше § о признакахъ его, тогда какъ логическій порядокъ требуетъ обратнаго расположенія ихъ. Такимъ образомъ указанное измѣненіе не только не улучшаетъ

отдѣлъ объ откровеніи никакого улучшенія, не придаетъ ему болѣе цѣльности и систематичности, какъ хотѣлъ бы авторъ, а скорѣе приводитъ только къ спутанности и нелогичности.

Не вполне соответствуетъ „Курсъ“ г. Николина и методологическимъ требованіямъ, какія должны быть предъявлены къ учебному курсу. Существенное требованіе отъ всякаго учебнаго курса, будь то учебное руководство или только пособіе, безпорно, должно состоять въ томъ, чтобы предметъ его былъ раскрытъ главнымъ образомъ путемъ положительнымъ, чрезъ выясненіе внутреннихъ и вѣдннхъ основаній его, критическій же разборъ разнаго рода отрицательныхъ или неправильныхъ взглядовъ на него долженъ занимать возможно меньшее мѣсто. „Гораздо лучше и скорѣе, говоритъ св. Григорій Богословъ, посредствомъ того, что есть, объяснить и предметъ и то, что онъ не есть, нежели исключая то, что онъ не есть, показать, что онъ есть“. Требованіе его признать законнымъ и авторъ и примѣненіе его къ такой наукѣ, какъ и Основное богословіе, считаетъ даже особенно необходимымъ (10 стр.), а между тѣмъ въ своемъ „Курсѣ“ самъ же нерѣдко нарушаетъ его. Говоря, напр., о происхожденіи и сущности религіи, онъ цѣлыхъ 32 страницы посвящаетъ критикѣ разныхъ теорій по этому вопросу. Тутъ есть и а) атеистическія теоріи: анимизмъ, теорія Герб. Спенсера, политическая, натуралистическая и евгемеристическая теоріи, и б) деистическія: Канта, Якоби и отчасти проф. В. Д. Кудрявцева (какъ будто теорія его деистическая?!), и в) пантеистическія: Шлейермахера, Шеллера, Гёте и Гегеля. Такое обиліе теорій, критикуемыхъ авторомъ, вмѣсто выясненія дѣла, можетъ, пожалуй, приводить только къ спутанности. Или еще одинъ примѣръ. Въ отдѣлѣ о ветхозавѣтной религіи, касаясь мессіанской идеи, авторъ для положительнаго выясненія ея не даетъ почти ничего, ограничиваясь лишь немногими и притомъ самыми общими замѣчаніями, а о томъ, что она не есть, говоритъ сравнительно много, между тѣмъ

было бы достаточно только воспроизвести цѣльный и свѣтлый образъ этой возвышенной идеи, какъ онъ начертанъ въ ветхозавѣтныхъ свящ. книгахъ, чтобы всѣ отрицательно-раціоналистическія объясненія ея, какъ естественнаго явленія въ исторіи еврейскаго народа, сами собою потеряли свою силу. Наклонность автора къ критикѣ отрицательныхъ, или неправильныхъ взглядовъ и мнѣній проглядываетъ и въ другихъ мѣстахъ его Курса.

Не безъ недостатковъ Курсъ г. Николина и со стороны его содержанія. На сраницѣ 10-й подъ рубрикой „Опредѣленіе науки Основнаго богословія“ въ числѣ задачъ этой науки авторъ ставитъ, какъ и должно быть, доказательство непрерывнаго сохраненія православія въ греко-російской церкви, но въ дѣйствительности задачи этой онъ не выполняетъ и даже совсѣмъ не касается въ своемъ Курсѣ, и это составляетъ значительный пробѣлъ въ немъ. На 9 стр., опредѣляя предметъ науки, онъ говоритъ: „предметомъ нашей науки служить систематическое изложеніе и оправданіе предъ научно-богословскимъ сознаніемъ вѣрующихъ вѣщихъ и внутреннихъ основаній, по которымъ христіанство, понимаемое въ Духѣ Православной Церкви, есть истинная религія“, а на страницѣ 11-й дается нѣсколько уже иное опредѣленіе: оказывается, что предметомъ Основнаго богословія служатъ „данныя внутренняго опыта, внутреннія переживанія духа человѣческаго, или, выражаясь научнымъ языкомъ, постулаты духовной природы человѣка“. Встрѣчаются по мѣстамъ не точныя и даже не вѣрныя положенія, напр., будто пантеизмъ, „не смотря на сильное развитіе понятія имманентности, не отвергаетъ совсѣмъ и идеи трансцендентности (премірности) Бога въ отношеніи къ міру“ (стр. 139), что „типическимъ выразителемъ пантеистическаго воззрѣнія на религію былъ будто бы Шлейермахеръ (стр. 141), что въ *частяхъ* (древнѣйшей части Авесты) нѣтъ будто бы ученія объ Ариманѣ, какъ Духѣ, противо-

дѣйствующемъ Ормузду, а есть только указаніе на зло, какъ явленіе нравственнаго порядка (стр. 191), что, по ученію Конфуція, человѣкъ путемъ полнаго развитія своей природы можетъ стать равнымъ небу и землѣ и вмѣстѣ съ ними создавать строй міра, и что, поѣтому, небо, земля и человѣкъ представляютъ будто бы три верховныя силы, силы въ мірѣ, три основныхъ элемента,—китайскую триничность (стр. 172). Наконецъ, не вполнѣ свободенъ Курсъ автора и отъ буквальныхъ позаимствованій у другихъ, напр., все сказанное о магометанствѣ представляетъ собою простое сокращеніе изъ „Исторіи религіи“ Мензиса (Переводъ съ англійскаго 1897 г.). Да и вообще весь отдѣлъ о языческихъ религіяхъ составленъ авторомъ подъ значительнымъ вліяніемъ какъ этой книги, такъ и нѣкоторыхъ другихъ, относящихся къ исторіи религіи.

Не смотря однако на всѣ указанные недостатки Курсъ г. Николина имѣетъ и немалую цѣнность. Видно, что авторъ хорошо ознакомился съ излагаемымъ въ немъ учебнымъ матеріаломъ и относящейся къ нему литературой и раскрылъ его, за немногими исключеніями, достаточно полно и обстоятельно. Особенно заслуживаютъ одобренія §§ о признакахъ истиннаго откровенія, объ источникахъ его, о чудесахъ и пророчествахъ, о первоначальной формѣ религіи и происхожденія язычества. Можно, поѣтому, признать трудъ автора полезнымъ пособіемъ при изученіи христіанской аполлогетики.

Ө. Орнатскій.